О НАШЕМ СОВРЕМЕННОМ ШЕКСПИРЕ

ГРИГОРИЙ Козинцев принадлежит к основоположникам советского кино. Для режиссеров его поколения характерно соединение художника и ученого в одном лице. У них трудная и завидная судьба первооткрывателей. Они строили учась и учились строя. Приходилось самим открывать акты, выводить первые формулы, создавать грамматику нового вида искусства. Ничего не принимая на веру, они все делали наново. Меньше всего ограничивались скудным тогда опытом безязыкого экрана, которому еще предстояло вырасти в Великого немого. Больше всего опирались, как Эйзенштейн, на мировую литературу, живопись, театр и цирк, на классиков античности и Возрождения, на девятнадцатый век и современность. Юношей Козинцев с товарищами безудержно экспериментировал над «Женитьбой» и «Шинелью», но прежде предлагая перед Гоголем и зная его наизусть. То, что казалось ребяческим нигилизмом, было «пытаниями драматических изучений», испытаниями материалов на прочность, началом освоения ценностей прошлого. Освоение продолжается всю жизнь. Под каждой строчкой книги Козинцева «Наш современник Вильям Шекспир» * — мощный фундамент культуры. Бывают книги, где начитанность автора — балласт, тянущий ко дну, где парус — в заплатках цитат, под которыми ветхая расплывающаяся ткань. У Козинцева знания претворены в плоть и кровь, неотделимы от убеждений.

В главе о художнике

* Григорий Козинцев. «Наш современник Вильям Шекспир». 1966. Изд-во «Искусство». М.—Л.

Тыслере говорится, что поэзия Шекспира по особому повлияла на его творчество: мотивы, возникшие в театральных работах, годами развивались в живописи. Так можно сказать и про автора: размышления о природе шекспировских образов выливались в постановки, а они обогащали и двигали дальше исследование. Так создавались центральные части книги — главы о «Гамлете» и «Короле Лире». Мысли сегодняшнего Козинцева о «Короле Лире» полны самостоятельного литературно-критического значения; в то же время они — подступ к раскрытию трагедии на экране. Важнейшие предпосылки для спектакля или фильма содержит глава о Фальстафе, чей образ многие годы занимает автора. Хочется, чтобы и Фальстаф ожил в его режиссуре. И жаль, что поставленный им спектакль «Отелло» не нашел никакого отражения в книге. Между тем в «Отелло», особенно в образе Яго, были сделаны крупные художественные открытия, подвигнуты и развиты на сцене замечательным актерским талантом К. Скоробогатова.

Готовя новое издание, автор заново пересмотрел и дополнил рукопись. (Книга Г. Козинцева недавно вышла в США, где ее хорошо встретила пресса. Эта едва ли не первая русская шекспироведческая работа, напечатанная на языке великого драматурга.) Строже, выдержаннее стал стиль. Уточнены некоторые важные понятия. Появились новые страницы — о киношекспирiane разных лет, от ранних опытов немого

кино до недавней модернизированной версии «Гамлета» (ФРГ) и влюбленной обработки «Макбета», созданной японским кинорежиссером Акиро Куро-сава. Проницательная характеристика памятного ленинградцам спектакля «Король Лир» Питера Брука, по мнению автора, интереснейшего из европейских режиссеров.

Очень содержательны введенные в книгу избранные записи из дневников автора, связанные с его работой над «Гамлетом» в театре и кино. За десятилетия накопилось удивительное богатство мыслей, наблюдений, толкований, выраженных в афористической форме. Записи не сгруппированы по темам, идут чересполосицей, в той естественной последовательности, с какой изо дня в день вносились в тетрадь. Их единство — особое, внутреннее, единство нравственной точки зрения.

Теперь книга Козинцева в новом своем составе стала достойным нашим читателя. Радость второй встречи несколько омрачена полиграфией. Нельзя не посетовать, что книга напечатана серой краской, мелким шрифтом, от которого устают глаза. Внешний вид спасают прекрасные эскизы костюмов к «Гамлету» работы С. Вирса-ладе, использованные для оформления суперобложки.

Второе издание книги пополнено еще одной главой — «О тех, кто в зрительном зале»: здесь приведены отрывки из писем, которые еще до начала съемок «Гамлета» писал автору будущие зрители его фильма; рассказано о

том взволнованном, требовательном интересе, с каким хотели помочь его рождению многие и многие советские почитатели Шекспира — люди разных характеров и профессий, разного уровня образованности, но объединенные любовью к искусству и жаждущие от искусства постановки жизненно важных нравственных вопросов.

Об этих вопросах, насущных для каждого мыслящего человека, и фильм Козинцева и его книга.

Трагедия гуманизма и несломленная вера в человечность — основные мотивы, извлеченные Козинцевым из необъятного творчества Шекспира, четырехвековой истории его литературных и сценических толкований. Что такое человек, краса вселенной или квинтэссенция праха? Развитие цивилизации противоречиво, и никогда еще злодейства не творились в таких масштабах, как в век поразительных достижений разума. «На нашей памяти, — пишет Козинцев, — огонь и слезы расплаты за обездушивание человеческих связей, за власть, утверждаемую на бесчеловечности, «Дальний» теперешних времен — его частицы сохранились и в государствах и в душах — не прочь еще раз сомкнуть вокруг человечества терновым венцом колючую проволоку концентрационных лагерей». Снова и снова возникают перед людьми вечные шекспировские вопросы. Но Козинцев убежден и в том, что «для Шекспира путь человечества — не бесцельный круговорот, но благородный труд, а слово человечество — не пустой звук. Это понятие добыто трудом, страданием и мужеством поколений».

Шекспир, прочитанный Козинцевым, — это «набат, пробуждающий совесть», это не знающий старости воин, который и сегодня сражается за человечность.

И. ШНЕЙДЕРМАН